

RU

Стихотворения и сказки Туты Борукаева: принадлежность к жанру басни

Хашир К. О.

Аннотация. Цель исследования - определение отношения к жанру басни стихотворений «Конь» («Шы»), «Старый кот» («Джэдуужь»), «Жалующаяся мышь» («Дзыгъуэ тхъэусыхэ») и сказок «Лесная сказка» («Мэз таурыхъ»), «История кошки Брысь» («Джэдухэм шыщу Тыхъым и хъыбар») кабардинского писателя и просветителя Туты Борукаева (1888-1937), а также осуществление их литературоведческого анализа. Научная новизна работы заключается в том, что впервые использован подход к изучению произведений Т. Борукаева с точки зрения их принадлежности к басенному жанру, также впервые представлен художественный перевод разбираемых стихотворений писателя на русский язык, осуществленный автором статьи. В результате исследования систематизированы ключевые особенности произведений Т. Борукаева и обоснованно показано, что его произведения содержат басенные элементы, но не обладают совокупностью признаков для отнесения к жанру басни.

EN

Tuta Borukaev's Poems and Fairy Tales: Affiliation to the Genre of Fable

Khashir K. O.

Abstract. The paper aims to consider whether the Kabardian writer and educator Tuta Borukaev's (1888-1937) poems "The Horse" («Шы»), "The Old Cat" («Джэдуужь»), "The Complaining Mouse" («Дзыгъуэ тхъэусыхэ») and fairy tales "The Forest Tale" («Мэз таурыхъ»), "The Story of the Cat Named Shoo" («Джэдухэм шыщу Тыхъым и хъыбар») belong to the genre of fable, as well as to carry out their literary analysis. The scientific originality of the research lies in the fact that it uses the approach to studying T. Borukaev's works from the point of view of their affiliation to the genre of fable for the first time, also it presents the literary translation of the analyzed poems of the writer into the Russian language, carried out by the author for the first time. As a result, the research has systematized the key features of T. Borukaev's works and has reasonably shown that his works contain the elements of fable, but do not possess the combination of features that would relate it to the genre of fable.

Введение

В кабардинском литературоведении имеются отдельные труды, посвященные жанру басни, однако отсутствуют работы, посвященные детальному анализу степени отношения к басенному жанру творчества кабардинских просветителей, в частности Туты Борукаева. В связи с этим возникает ряд сложностей при попытках идентификации его художественных текстов. К настоящему времени в кабардинской литературе остается открытым вопрос: есть ли у Туты Борукаева басни?

Опираясь на существующие научные мнения и собственные суждения по данной проблеме, мы впервые предприняли попытку ответить на данный вопрос.

Актуальность работы состоит в исследовании малоизученного творчества кабардинского просветителя Т. Борукаева, в теоретическом осмыслении произведений писателя в сравнительном с басенным жанром аспекте, а также в интересе современной филологической науки к дискуссионным проблемам национально-своеобразия развития жанров.

Задачи исследования:

- провести анализ и интерпретацию наиболее близких к басенному жанру произведений Т. Борукаева;
- провести сравнительное исследование и выявить степень отношения произведений Т. Борукаева к жанру басни.

В статье применяются следующие методы исследования: метод литературно-критического анализа, сравнительно-типологический метод исследования с привлечением элементов текстологического анализа.

Теоретическую базу исследования составляют литературоведческие работы Ж. Налоева, З. М. Налоева, А. Т. Шортанова, М. К. Шаковой, Н. Б. Бозиевой, З. З. Гупсешевой, предметом которых является анализ произведений Т. Борукаева.

Практическая значимость определяется тем, что материалы исследования могут быть использованы при разработке образовательных программ в школах, чтении академических и специальных курсов по кабардинской литературе в вузе, а также будут полезны при создании учебников и учебно-методических пособий.

Основная часть

Литературный путь Туты Магомедовича Борукаева (1888-1937), одного из адыгских просветителей послереволюционных лет, в первую очередь был связан с языкознанием и работой над кабардино-черкесской письменностью. В сферу его интересов входило также изучение родного фольклора. Однако он был не только создателем научных и учебно-методических трудов: увлечение адыгской культурой нашло отражение и в его художественном творчестве.

В некоторых источниках Т. М. Борукаев фигурирует как основоположник жанра басни в кабардинской литературе. В статье кандидата филологических наук Н. Б. Бозиевой и З. З. Гупсешевой указано, что продолжателем басенного жанра, заложенного П. Дз. Шекихачевым, является Тута Борукаев: «Это был первый и удачный опыт П. Шекихачева в создании басни-притчи, впоследствии разработанный Тутой Борукаевым» (Бозиева, Гупсешева, 2017b, с. 19). Данное высказывание оформлено в виде цитаты из другой статьи тех же авторов, написанной на кабардино-черкесском языке под названием «Басня в кабардино-черкесской литературе» («Басняр къэбэрдэи-шэрджэс литературэм») (Бозиева, Гупсешева, 2017a). При прочтении указанной статьи выделенного предложения обнаружено не было, однако оно встречается в посвященной П. Шекихачеву статье М. К. Шаковой, руководительницы дома-музея Али Шогенцукова (Писатели Кабардино-Балкарии..., 2003, с. 403).

Также в книгу «Сделавшие первый шаг» («Япэу лъэбакъуэ зычэхэр») включена статья литературного критика Дж. Налоева «Поэты Кабарды и Балкарии», где сообщается, что Тута Борукаев писал стихотворения и, кроме того, басни, в основе которых лежат фольклорные предания. Там же мы можем прочесть, что «Борукаев подарил еще цикл басен. Последний свидетельствует о наличии умения мастерского осмысливания темы в юмористическом духе» (Сделавшие первый шаг, 1968, с. 289). Эту мысль развивает и М. А. Хакушева (2019): «Кроме стихов автор статьи (Дж. Налоев) анализирует целый цикл басен, который свидетельствует об умении поэта мастерски осмысливать темы в “юмористическом духе”. Но поэтическое мастерство в области нового жанра басни требует своего дальнейшего развития и совершенствования, так как “кабардинская литература растет несколько односторонне”» (с. 80).

Однако редакторы книги «Литературное наследие» («Литературей щӀэиныр»), разбирая ошибки, допущенные при написании труда «Сделавшие первый шаг», в частности в статье Дж. Налоева, отмечают, что наличие басен у Т. Борукаева не соответствует действительности. Они утверждают, что автор под баснями подразумевал скорее всего произведения «Конь», «Старый кот», «Жалующаяся мышь», но они не являются баснями и не соответствуют им по структуре, так как первые два стихотворения выражают только жалобы, а третье – насмешку: «Борукаев подарил еще цикл басен – автор, вероятно, имеет в виду стихотворения “Конь”, “Старый кот”, “Жалующаяся мышь”, но они либо относятся к жалобам (“Конь”, “Старый кот”), либо к насмешке (“Жалующаяся мышь”); без лирической аллегории нет басни, они не соответствуют структуре жанра» (Налоев, 2004, с. 215).

В статье Н. Б. Бозиевой и З. З. Гупсешевой (2017a) по этому поводу мы можем прочесть следующее: «В 1931 году вышел сборник Туты Борукаева для детей, в котором были собраны его басни. Интересно составленные стихотворения “Жалующаяся мышь”, “Старый кот”, “Конь”. Их корни берут свое начало в фольклоре» (с. 327).

Итак, к настоящему времени в кабардинской литературе можно назвать открытым вопрос: писал ли Тута Борукаев басни? Для ответа на него в первую очередь необходим анализ перечисленных выше произведений.

В связи с отсутствием русскоязычных версий данных работ Туты Борукаева в статье используется художественный перевод, выполненный автором статьи. Оригиналы произведений взяты из той же книги – «Сделавшие первый шаг».

Стихотворение «Конь» написано от лица коня, который жалуется на преследующие его жизненные невзгоды:

Мывальэр сэ си гъуэгущ,
 Си лъэгур щӀиудащ.
 Сызепщыпщэу сызэрехуэ,
 Схуэмыфаци къызепэс,
 Ӏус тӀэкӀу къысхуадзри
 Джэдым, сагурумыӀуэу, зэбгратхъуж,
 Сэ тхьэгъуэ сиӀэу зи гугъэм
 Сэ си махуэр къыхукӀуэ (Сделавшие первый шаг, 1968, с. 81). /
 Моя дорога камениста, не могу идти я быстро,
 Камни мне отбили ноги, тащусь я еле по дороге.
 Без жалости меня все подгоняют
 И незаслуженно к тому же оскорбляют,
 Корма совсем кроху мне бросают,

Да куры все без спроса разгребают.
Кто думает, что хорошо мне жить,
Прошу меня хоть на день заменить (здесь и далее перевод автора статьи. – К. Х.).

Сочинения Т. Борукаева действительно во многом были вдохновлены родным фольклором, и похожий мотив мы можем встретить в народной адыгской песне «Жалоба лошади» («Шым и тхьэусыхэ»), переведенной на русский язык поэтом Н. И. Гребневым (Песни народов Северного Кавказа, 1976, с. 80):

Я и сива,
И красива,
Только очень
Несчастлива.
Бьют меня по горбу,
Говорят: «Вези арбу!»
А легко ль ее везти
Без дороги, без пути?

Произведение «Старый кот» также является жалобой животного, однако в данном случае это старый кот, который сетует на то, что он стал не уважаем и отовсюду гоним. В последней строфе кот даже выражает мысль о скорой смерти:

Сыкбагъуэтым сырахужэ,
Жбы сыхьуащи сыхьфадзэ,
Си дэкапIэр кьатезнэнци,
Мы дунейми сехьжынщ (Сделавшие первый шаг, 1968, с. 82). /
Как меня увидят, сразу прогоняют,
Видят, что я старый, все меня бросают,
Укушу кого-то, свой оставлю след,
Мир покину этот, мне в нем места нет.

Персонажи Борукаева вызывают лишь жалость, и более правильным, научно обоснованным мы считаем дифференцировать данные тексты как тексты-жалобы – тхьэусыхэ, напоминающие традиционные адыгские песни: «Жалоба Гошага» («Гуащэгъагъ и тхьэусыхэ»), «Жалоба Шао Накур» («Щауэ Нэкурэ и тхьэусыхэ»), «Жалоба обещенной девушки» («Лей зылыса хьыджэбзым и тхьэусыхэ»), «Жалоба Дзадзуны» («Дзадзунэ и тхьэусыхэ»), «Жалоба Бекмурзы» («Бэчмырзэ и тхьэусыхэ»), «Жалоба Тлостахан» («Льостэхъан и тхьэусыхэ»), «Девичья жалоба» («Хьыджэбз тхьэусыхэ») и др. Для русскоязычного же читателя наиболее известными стихотворными сочинениями подобного стиля можно считать «Дорожные жалобы» А. С. Пушкина и «Жалобы турка» М. Ю. Лермонтова.

Несколько отличается от вышеперечисленных стихотворение «Жалующаяся мышь». Образ жалующейся мыши был использован и кабардинским народным исполнителем (джэгуакIуэ) девятнадцатого века К. Абазовым в песне-жалобе «Песня трех старых мышей» («Дзыгъуэжьыщым я и пшыналъэ») (Налоев, 2010, с. 30-31). Однако стихотворение Борукаева стилистически соотносится с жалобой только в начальных строках:

Ди гьащIэр мыгъуэм йоджэ,
Дэ дьыджалъэу допсэу.
Ди псэупIэр шхын хуэнэщI,
Псори нэщIхэу доулэу (Сделавшие первый шаг, 1968, с. 81). /
Наша жизнь несчастна,
Мы живем ужасно.
В нашем доме нет еды,
Все мы вечно голодны.

Дальнейший сюжет меняет эмоциональную окраску произведения: устав от голода, мыши решают перебраться к соседям, сделать дырку в их сундуке и воровать еду, что в итоге позволяет им наесться сыром. «Жалующаяся мышь» заканчивается словами: «Если бы ты их встретил, тоже бы наелся!» («Уахуэзамэ уадэтхьэнт!»). Также нельзя не отметить наличие в тексте дважды употребляемых междометийных восклицаний мышей: «Пи, пи!». Данные аспекты позволяют согласиться с выводом редакторов книги «Литературное наследие»: перед нами стихотворение-насмешка.

В перечисленных стихотворениях Борукаева отсутствует дидактическая направленность, несмотря на принятое в литературоведении мнение о том, что идейное содержание басни преимущественно связано с явно выраженной моралью (Гаспаров, 1971, с. 23), а целью басни является назидание, выраженное в авторской морали (Полуянова, 2000, с. 141).

Для басен также характерна явная обобщенность, позволяющая читателю вынести для себя ясный моральный вывод. Языковед А. А. Потебня отмечает: «Вечность басни вытекает именно из того, что составные части ее образов настолько освобождены от всякой случайности и настолько связаны между собою, что с трудом поддаются изменениям... Эти сплоченные образы способны, по первому требованию, стать общей схемой спутанных явлений жизни и служить их объяснением» (Потебня, 1990, с. 71). Подобные тенденции в данных стихотворениях не обнаруживаются.

Итак, общая направленность проанализированных произведений и отсутствие важнейшей басенной черты – нравочения позволяют нам утверждать, что они не относятся к жанру басни. Здесь речь может идти лишь о своеобразных прототекстах, текстах-предшественниках или этимологии басенного жанра в кабардинской поэзии.

Следует добавить, что не только проанализированные выше стихотворения Т. Борукаева, но и его сказки в прозе могли послужить формированию утверждений о наличии его в творчестве басен.

Ученый-фольклорист и культуролог И. Левин по поводу жанровой общности сказки и басни писал следующее: «Неразделимость того, что принято называть пословицами, баснями и сказками о животных, подтверждается не только сюжетом, конкретными памятниками литературы и нынешним положением в фольклоре, но и основана также на речевой практике, где это все используется в одинаковых ситуациях и целях» (Свод таджикского фольклора, 1981, с. 12).

«Лесная сказка» («Мэз таурыхъ») Т. Борукаева содержит один из основных элементов басенного жанра: аллегорию. Действующими героями в ней являются животные, воплощающие свойства человеческого характера. Сказка посвящена тому, как муравьи и светлячки работали сообща, помогая друг другу. Автором отчетливо не был выражен моральный вывод (в конце персонажи лишь благодарят друг друга и расходятся по домам), однако кабардинский писатель А. Шортанов в книге «Сделавшие первый шаг» (1968, с. 21) отмечает, что цель автора очевидна: Борукаев хотел, чтобы школьники также помогали друг другу в учебе, как насекомые в этой сказке. В то же время невозможно отрицать и существенное различие между сказкой и басней: басня как жанр тяготеет к лаконичности (знаменитый баснописец Г. Э. Лессинг отмечал, что «душой» басни является ее краткость), для сказки же характерен большой объем.

Наглядно это различие мы можем увидеть в сказке «История кошки Брысь» («Джэдухэм щыщу Тыхъым и хъыбар»): она состоит из двенадцати частей, и назвать ее кратким нравочением невозможно.

Повествование здесь ведется от лица маленькой черной кошки, которая испытывает многочисленные тяготы только лишь потому, что она черная: «Но из-за того, что я черная, я всю жизнь гонима, куда бы я ни пришла, из-за этого я становлюсь врагом, я ничего плохого не делаю, но меня ненавидят» («Ауэ а фьщгагэм си гъащгэр сыкърахуэкьыу сегъэхъ, сызыыхъэми абы папщгэкгэ бий сыкъащгэ, язмышгэлами, сыкъальгагъу хъуркъым») (Сделавшие первый шаг, 1968, с. 93). В данном случае Борукаев снова прибегает к использованию жалобы – тхъэусыхэ: «Нет мне житья!» («Сэ псэукгэ сиэккъым!»), «Все меня считают нечистой!» («Сэ псоми срахъэрэмщ!») и др. Текст сказки в основном представляет собой сетования главной героини на жизнь и описания возникающих на ее пути проблем.

Степень отношения сказок Борукаева к басенному жанру также может быть охарактеризована с помощью приведения определений слов «сказка» и «басня». Данные термины могут быть синонимичны, так как во втором своем нежанровом значении совпадают: просторечное значение сказки – «вздор, сплетни» (Даль, 1999, с. 190); басни – «вымышленное происшествие, выдумка, рассказ для прикрасы, ради красного (баского) словца»; «ложь, празднословие, пустословие, вздорные слухи, вести» (Даль, 1999, с. 52). Таким образом, достигнуть синонимичности «сказки» и «басни» можно только ценой отказа от морального вывода дидактического жанра (Евдокимова, 2009, с. 267).

Для анализируемых сказок Т. Борукаева характерна иносказательность благодаря использованию аллегорической (басенной) образности. С помощью героев-животных он показывает читателям человеческие характеры, их силу и слабость в преодолении своей тяжелой доли, а также человеческую сплоченность перед лицом какой-либо проблемы. Однако в подтверждение вышеизложенного отметим, что отказ от целенаправленной дидактичности ведет к отсутствию четкого морального вывода, без которого данные сказки нельзя назвать баснями. Ведь, в отличие от сказок, неотъемлемым элементом басни является наличие общедоступной морали, которая формирует четкое восприятие образного содержания.

Кроме того, в сказках, как и стихотворениях Борукаева ведется повествование о животных без противопоставления персонажей. Басня, как правило, построена на основе антитезы, противопоставления парных признаков с противоположным значением: умный – глупый, добрый – злой, щедрый – скупой и т.п.

Заключение

В результате анализа, интерпретации стихотворений и сказок Т. Борукаева мы пришли к следующим выводам:

- стихотворения «Конь» («Шы»), «Старый кот» («Джэдуужъ»), «Жалующаяся мышь» («Дзыгъуэ тхъэусыхэ») не являются баснями и относятся к жалобной лирике, распространенной в адыгском фольклоре;

- сказки о животных «Лесная сказка» («Мэз таурыхъ»), «История кошки Брысь» («Джэдухэм щыщу Тыхъым и хъыбар») содержат басенные элементы, но не являются полноценными, классическими баснями.

Но вместе с тем следует отметить, что все же Т. Борукаев весьма близко подошел к жанру басни, интуитивно «заселяя» свои тексты зооморфными персонажами и хотя бы в глубинном подтексте выражая наизидания морального толка.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении и теоретическом осмыслении творческого наследия Т. Борукаева в целом, что позволит определить особенности развития и трансформации различных жанров кабардинской литературы.

Источники | References

1. Бозиева Н. Б., Гупсешева З. З. Басня в кабардино-черкесской литературе // Перспектива - 2017: материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых: в 4-х т. Нальчик: КБГУ, 2017а. Т. 4.
2. Бозиева Н. Б., Гупсешева З. З. Жанр басни в адыгской литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017b. № 11 (77). Ч. 2.
3. Гаспаров Л. М. Античная литературная басня. М.: Наука, 1971.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 4.
5. Евдокимова Л. В. Миниатюра Ф. Сологуба «Полоски» и басни И. А. Крылова: литературная традиция как новаторство // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 89.
6. Налоев Дж. Литературное наследие / на каб. яз. Нальчик: Эль-Фа, 2004.
7. Налоев З. М. Антология ранней адыгоязычной литературы / на каб. яз. Нальчик: КБИГИ, 2010.
8. Песни народов Северного Кавказа. Л.: Советский писатель, 1976.
9. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX - конец 80-х гг. XX в.) Библиографический словарь / гл. ред. Р. Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2003.
10. Полуянова Л. Н. Проблема выделения структурно-композиционного строения текстов повествовательного типа // Стилистические аспекты дискурса: сб. науч. трудов МГЛУ. 2000. Вып. 451.
11. Потенба А. А. Теоретическая поэтика. М.: Высшая школа, 1990.
12. Свод таджикского фольклора. Басни и сказки о животных. / подгот. И. Левин, Дж. Рабиев, М. Явич. М.: Наука; Глав. ред. вост. лит-ры, 1981.
13. Сделавшие первый шаг /на каб. яз.; сост. Е. Машитлова. Нальчик: Эльбрус, 1968.
14. Хакуашева М. А. Становление кабардинского литературоведения в 30-е годы XX века // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (KBHR Bulletin). 2019. № 4 (43). Ч. 1.

Информация об авторах | Author information**Хашир Кара Оскарвна¹**¹ Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик**Khashir Kara Oskarovna¹**¹ Kabardino-Balkarian State University named after Kh. M. Berbekov, Nalchik¹ cara.khashir@gmail.com**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 26.10.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): Т. Борукаев; кабардинская литература; басня; сказка; стихотворение-жалоба; Т. Vorukaev; Kabardian literature; fable; fairy tale; poem-complaint.